

РУЖЬЕ НЕ СТРЕЛЯЕТ ДВАЖДЫ

«Если полюбишь женщину во время лунного затмения, то ничего хорошего от этой любви не жди». Зачем так написали древние? Они просто не знали, что можно всю жизнь провести во мраке, так и не дождавшись возвращения серебряного света. А я вот всегда с древними спорил. Если любовь – это альфа и омега всего сущего, то нет разницы, свет вокруг или мрак. Во мгле не надо доверять разуму. Только сердце сможет найти выход из мрака.

Осень в этих краях не любит жизни. Поэтому здесь теперь всегда осень. Ветер, ветер гуляет над пустыней, завывая над мрачными оврагами. Он невидимой змеей проползает между черными стволами сожженных деревьев и устремляется вниз, на дно каньонов, разрезавших своими глубокими провалами землю. Овраги в этих местах были длинными, расположенными параллельно. Словно гигантский пекарь хорошенько поработал ножичком, сделав огромное количество надрезов на поверхности каравая. Только этот каравай забыли вовремя вынуть из печи, и он слегка пригорел. Если подойти к оврагу, то сразу чувствуешь запах чего-то химического и паленого – резины или проводки. Этим запахом пропитывается вся одежда, и даже когда достаешь настоящий каравай из котомки, от него так и несет ядовитой гарью. Поэтому прятаться от дронов в оврагах – дело очень неприятное. Конечно, иногда нет выхода, и ты просто должен немедленно нырнуть в овраг, набросить на голову серо-зеленый капюшон от бушлата и уткнуться в обожженную вонючую субстанцию на дне ложбины. Но если есть рядом воронка от обычного снаряда, значит, появляется выбор, и надо срочно запрыгнуть в конусообразное укрытие, тем более что воронка, как правило, в глубину не больше полутора метров. Ты абсолютно ничем не рискуешь, ну, разве что можешь слегка разодрать бушлат об острые края осколков. Так ведь это куда лучше, чем, наглотавшись токсичной пыли на дне оврага, выдохать и отхаркивать ее целую неделю, а то и дольше. Впрочем, главное – от

дрона уйти, от его всевидящего ока и всеслышащего эхолота. Это в любой ситуации главное.

Мой медальон в форме двадцать четвертой буквы греческого алфавита выпал из раскрытого ворота рубахи наружу и теперь болтался на крепкой промасленной веревке поверх бушлата. Я привычным движением, тысячи раз отработанным, как рефлекс, отправил его назад, под белье, не забыв проверить, на месте ли замочек, в случае особой необходимости ломавший мой кулон на две половинки. Драгоценный символ, признак моей принадлежности к славному клану скоморохов, ни при каких обстоятельствах не должен потеряться в этой серой грязи.

Дрон обычно подлетает незаметно, на большой высоте. Жужжание его двигателей начинаешь улавливать только тогда, когда робот спускается до высоты в сотню метров. Его создатели неплохо поработали над бесшумными двигателями, и, хотя они не добились стопроцентного результата, главное у них все-таки получилось: дрон умеет определять цели раньше, чем цель определяет его. Конечно, на высоте ста метров его очень легко сбить, но в этом нет ни малейшего смысла. Цель обнаружена, координаты переданы. Теперь надо думать не о том, чтобы сбить беспилотник, а о том, чтобы найти укрытие. И молиться, чтобы казаки не выпалили весь боекомплект по бегущим людям.

Лучше пусть сыплют минами. Или снарядами. От них больше шансов уйти. Больше, гораздо больше, чем от страшной игрушки, оставляющей после себя токсичные черные рвы. Эти рвы повсюду перепахали Дикое Поле между Ростовом и Таганрогом. Казаки засели в Ростове и бьют оттуда из своей шайтан-трубы. Не хотят подпустить к себе ни злых, как волки, беженцев, ни сытых крепышей в синих касках, обычно сопровождающих их. Никого не хотят пустить к себе казаки. Они контролируют в Ростове все.

Туда есть шанс попасть, лишь подобравшись к городу, а как подберешься, надо пересечь то, что осталось от федеральной трассы. За ней – огорожа из колючей проволоки. Местами она установлена не в два ряда, как положено, а в один. Поленились, однако, работнички! Ну и хорошо. Вот в этих местах ее можно штурмовать. Но штурмовать очень разумно, не лезть в лоб на высоковольтную колючую паутину, а сначала отключить нужную секцию от источника питания. Это сделать несложно, были бы хорошие плоскогубцы. Однако риск всегда остается риском: напряжение очень высокое. Так говорят.

Сам-то я этого забора ни разу своими глазами не видел. Да и незачем мне это было. Я человек мирный, спокойный. И хотя ношу военную форму, никакого оружия у меня с собой нет. Это знают и горцы на юге, и «кроты» в Таганроге. Ну, а казаки, они ведь никогда никого не признавали и свой оазис ни с кем делить не хотят. Потому и выжигают все живое вокруг. Да они, если разобраться, после того как армия ушла на север, самые большие беспредельщики на всем Диком Поле. Армии не до казаков. Жаль только, что федералы побросали здесь много оружия. Вот пьяная казачья время от времени и лупит вокруг Ростова почем зря, ищет врагов и, несомненно, их находит. Я для них, в принципе, не враг. Никому не хочу быть врагом. Но они этого не знают. Вот и приходится мне искать глубокие воронки, чтобы поскорее в них запрыгнуть.

Наверное, мне надо было бы начать не с оврагов и дронов, а с себя. Зовут меня просто – Ян. Фамилия значения не имеет. Не потому, что тайна, а потому, что никому она уже не нужна, эта фамилия. Нет у меня ни прошлого, ни будущего. Некому обо мне вспоминать, кроме моих товарищей. Но товарищи оказались далеко. Они ушли вслед за армией, на север, в надежде поднять настроение тем несчастным, через чьи земли двигаются войска. Песни, пляски, легенды, медитации – вот и все, что они могут дать людям. Зачастую этого достаточно для стимуляции жизненных сил. А я остался один такой, на все Дикое Поле.

Вы, надеюсь, догадались, кто я. Я скоморох. Под пятнистой брезентовой курткой у меня есть другая одежда, разноцветная, сшитая из лоскутков. Она напоминает цветовой тест. Я ее стараюсь беречь. Когда-нибудь расскажу, где я ее взял. «Каждый охотник желает знать...», ну, и так далее. Так я говорю про себя, когда начинаю вращаться. Медленно, потом все быстрее и быстрее. Помогаю себе правой ногой, разгоняю себя. Левая стоит в самом центре воображаемого круга. Скорость увеличивается. Мне кажется, что я превращаюсь в огромную юлу. А те, кто наблюдает за мной, впадают в состояние, похожее на транс. Их глаза полузакрыты. Им кажется, что они слышат древнюю мелодию, и эта мелодия, словно раствор марганцовки, прочищает все засоренные страхами, забитые тяжелыми воспоминаниями путепроводы их сознания. Они видят, что моя разноцветная одежда становится ослепительно белой. Им это кажется волшебством. Хотя это просто физика. Белый цвет складывается из колебаний различной частоты, а значит, разного цвета. Белое – это всегда смешение цветов. И я их смешиваю своим вращением.

Но они, мои зрители, этого не понимают, поэтому думают, что только скоморохи знают, как смешивать цвета. А, впрочем, какая разница, что они себе думают? Главное, что после моих представлений люди перестают думать о войне и куске добычи, вырванной из пасти ближнего своего. Хотя бы на время забывают о своей проклятой человеческой природе, которая мешает им стать людьми. Как говорил один древний мудрец, сейте прекрасное, доброе, вечное... «А что есть вечность?» – думаю я иногда.

Чего меня сюда потянуло, на это обожженное Дикое Поле, я не говорил никому, да и не было в этом нужды особой. В Таганроге, у «кротов», за мое выступление мне подарили много разных старых карт. «Лучше бы вы подарили мне хорошую зажигалку», – подумал я, разжигая костер за городской чертой. Надо было согреться и приготовить ужин. В огонь я набросал полированных деревяшек, которых там, где я ночевал, было много. Сюда после Катастрофы свозили всю токсичную мебель из государственных зданий. Такие здания дезинфицировали в первую очередь. Мебель сваливали на складе внушительных размеров. Потом место в боксе закончилось, и свалка начала завоевывать все больше и больше пространства. Затем все остановилось, на мебель и на токсичность махнули рукой. И сейчас тех немногих, у кого есть пропуск на выход из города, дрова с остатками номенклатурной полировки не просто выручают, а спасают – от голода и холода.

Мебель горела быстро. На веселом огоньке всегда удобно приготовить какой-нибудь суп из съедобной растительности, которой здесь вдоволь. Правда, «кроты», убежденные, что мебель отравлена радиацией и химией, были не в восторге, увидев испуганного горожанина с вязанкой деревянных ножек за спиной. Часто охранники города отбирали дровишки. Говорят, что утилизировали их. Ага. Утилизировали. Знаем мы вашего брата! Забрали себе добычу и спалили. Грелись у радиоактивного костра тщеславия. Вам же хочется урвать себе кусок от этой страшной, бесконечной войны за выживание. Хоть вязанку дров. Хоть калорию тепла. И то хорошо.

А я имею возможность свободно заходить в город и выходить из него. В любое время. Так могут все скоморохи после того, как вылечили начальника «кротов», Рябого, от тяжелой депрессии и посттравматического синдрома. Он даже предлагал стать на официальное довольствие в его армию лазутчиков. Продпаек и все такое. Звучало заманчиво, но кодекс бродячего скомороха требует, чтобы мы оставались свободными от обязательств, иначе можем постепенно потерять

многие наши исцеляющие качества. А мы их ценим, воспитываем в себе долгими годами упорных тренировок. Свобода – такое же лекарство от депрессии, как и вращающаяся разноцветная одежда. Так что я предпочитал оставаться за пределами города и согреть себя огнем токсичного костра, поскольку страх перед страшными веществами, которые люди использовали друг против друга, давно выдохся. Испарился. Как туман.

Мне повезло. Думаю, я увидел над собой дрон раньше, чем он меня. Иначе вскоре после того, как он исчез, пространство размером два на два километра накрыли бы струи термобарического оружия. Где стоят установки и как они добывают на столь значительную от Ростова дистанцию, остается только догадываться. Я не хочу загружать себя лишней информацией, поэтому если не нахожу ответа на сложный вопрос, скажем, в течение минуты, то перестаю его вообще себе задавать. А вот реагировать на вызовы дня необходимо быстро. И я, подумав о том, куда лучше прыгать – в воронку или в траншею, выбрал первый вариант.

Дрон покрутился над полем. Его выпуклый рыбий глаз внимательно изучил ландшафт на предмет всякой живности, возможно, зацепившейся за неровности обожженной почвы. Я молил Всевышнего о том, чтобы, кроме меня, здесь не оказалось ни одной живой души, будь то гомо сапиенс или глупое животное. Если бы это было так, то термобарический напалм снова ударил бы по неизвестным живым существам. Тактика казаков за эти годы никак не стала добрее и умнее. Легче уничтожить живое, чем разбираться с тем, враждебное оно или дружелюбное.

Нырять в глубокую воронку, я успел отбросить в сторону зеленый вещмешок с книгами. Он тяжело плюхнулся в жидкую грязь и сразу же стал похожим на крупный комок темной глины. Его было крайне сложно отличить от настоящих комков полевой грязи, которые я заметил рядом. Ну, ладно, потом разберусь, что и где, у меня была насущная проблема – как выжить, – и я ее успешно решал, зарывшись лицом в листья, непонятно как оказавшиеся на дне воронки. Дрон тихо пел своими двигателями песню механической валькирии, и, казалось, она ему очень нравилась. Хотя, что ему, железяке крылатой, может нравиться? Это его операторы километров за полста, а может, и того дальше, радуются, когда ловят свою добычу – сначала в объектив, а потом и в прицел, наверное. Маньяки они, эти казаки. Ублажают болезненное садистское сознание видом страданий людей и животных.

Я лежал мордой вниз, в мокрых и серых листьях, и ждал. Потом мне надоело ждать, и я поднял голову. Ничего не увидел и пополз к краю воронки. Как зверь, потянул носом воздух, как бы внюхиваясь в опасность, но ничего так и не вынюхал. Тогда я медленно пополз вверх. И вот когда я высунул голову из овальной ямы, в которой прятался, мой взгляд сразу же наткнулся на дрон. Он, уверенный и деловитый, находился в считанных метрах от меня. От земли его отделяло не более пяти метров. Один этаж дома. Я подумал было, что он сломался. А зачем иначе боевой летающей единице, которой достаточно видеть поверхность с высоты своего безопасного полета, так снижаться к земле? Лицом к лицу лица не увидеть, так сказать...

И он меня не увидел. Либо неисправность, либо электронный глаз был сосредоточен на другой цели. Ее и искал так внимательно.

Я предусмотрительно отполз вниз и снова залег в мокрой листве. Стал ждать. На то, чтобы определить, куда полетел дрон, моих слуховых способностей не хватило. Но вскорости я сообразил, что дрон улетел, так же незаметно, как и подобрался вплотную ко мне. Теперь оставалось ждать. Вопрос только где. Я решил перебраться из воронки в траншею. Если накроет, то там глубже и безопасней. Но – токсичная вонь? «Забудь о ней», – сказал я себе и, оттолкнувшись от кучи листьев, выскочил из воронки. Мне смутно почудилось, что под серо-зеленой массой было что-то твердое. Более твердое, чем листва. Быстро вверх. Осмотреться и найти траншею. И не забыть, в какой луже лежит вещмешок с книгами. В идеале, конечно, увидеть его, а нет – так просто сообразить, в какой он стороне, чтобы в темноте не пришлось долго искать.

Я опять движением опытного ныряльщика отправил себя в укрытие. Господи, как же там воняло токсинами! Затаив дыхание, я шмякнулся лицом в мягкое дно. Здесь было гораздо неприятнее, чем в воронке, но зато безопаснее. Пролежал я так до самых сумерек, когда стало ясно, что все будет хорошо. Я вздохнул полной грудью, и в этот момент мне было абсолютно наплевать на то, что каждая частичка токсинов, попадая в легкие, сокращает мое время. Дрон страшнее химии, если он видит цель. Дрон – предвестник стены огня, прожигающего глубокие траншеи в земле. Впрочем, чего это я говорю о нем, как о живом существе? Железка, она железка и есть. Безобидная, когда садятся батарейки. Опасная, когда на боевом патрулировании. Непредсказуемая, если попадает в руки к безумцам.

Мои мысли прервал страшный грохот. Он был абсолютно некстати, поскольку мне снова пришлось падать лицом вниз. Я не сразу разобрал, что являлось источником звука, однако моего опыта вполне хватало, чтобы понять – стреляли. Кто, как, из чего, неважно. Разбежусь потом. Вскоре за грохотом выстрела последовал еще один. Но он, скорее, был похож на взрыв и одновременно на звук падающей конструкции из металла. Так оно и было. Высунувшись из укрытия на уровень глаз, я быстро сообразил, что же так сильно громыхало. Это был дрон. Он лежал вверх тормашками, растопырив свои металлические ноги в стороны, как гигантское насекомое, попавшее под мокрое полотенце разъяренной хозяйки. Его четыре винта, воткнувшись в грунт, успели зарыться в него. Видимо, даже после того, как машину сбили, двигатели некоторое время работали.

То, что я увидел, оптимизма мне не добавило. Кто стрелял? Раздумывая над этим, я снова вжался в землю, но потом решил как можно быстрее убраться отсюда. Надо уносить ноги. Оператор вскоре поймет, что его стрекоза подверглась атаке, и даст команду накрыть этот сектор из невидимых стволов. Да и тот, кто стрелял из неведомого оружия, может оказаться вовсе не дружелюбным спасителем, а таким же кровожадным монстром, как и те, кому принадлежал сбитый дрон. Скорее всего, так и есть. На земле, отравленной боевой химией, каждый воюет за себя, и все – против каждого. Я не хотел бы именно сейчас быть каждым. В скоморохов не стреляли, но откуда же стрелявший в дрон знает, что я скоморох, откуда?

Я стремглав выскочил из укрытия. Надо было лишь забрать котомку с книгами. Я помнил, где она шмякнулась в грязь, и побежал в ту сторону. Бегал я хорошо. Еще во времена молодости, убегая от полицейских на разных демонстрациях, я представлял себя гордым оленем. Частота моих шагов не увеличивалась, зато увеличивалась длина, и я неожиданно для моих преследователей ускорился. И, конечно, ускользал из рук быстро и неловко семенящих людей с резиновыми дубинками. Вот так и здесь. Я не видел угрозы, но чувствовал, что она есть, и поэтому применил свою старую тактику бегущего оленя. Я видел свою котомку и, подбегая к ней, уже было протянул руку, чтобы выхватить ее из грязи. Вот она. Главное, не снижать скорости.

И в тот момент, когда я только-только сомкнул пальцы на брезентовой лямке, мои ноги наткнулись на обломок дрона. Я никогда не видел вблизи сбитых беспилотников. И на этот мне не слишком хотелось смотреть. Однако массивная деталь, о которую я споткнулся,

мгновенно привлекла мое внимание. Я увидел то, что меньше всего ожидал увидеть. На металлической поверхности обломка красовалась хорошо знакомая мне ω , омега, двадцать четвертая, последняя буква греческого алфавита. Такая же точно, как и у меня на медальоне. Что это? Почему? Знак скоморохов выгравирован на дроне. Но для чего? Возможно, это было совпадением. Однако шестое, а может быть, и седьмое чувство подсказывало мне, что это не так, что ω на борту дрона и ω на моей промасленной веревке оказались не случайно. Совпадений в токсичной грязи не бывает. И тут мои мысли прервались под весом хищного создания, свалившегося мне на плечи.

Существо прижало меня к земле и повернуло на бок. Я, как гордый и глупый олень, рухнул на размокшую землю. Мне быстрыми движениями связали руки за спиной. Оно, хищное создание, молчало и сопело мне в затылок.

– Сдаюсь! Я без оружия! – прохрипел я, пытаюсь придать своему голосу максимально примирительное звучание.

Мой противник молчал и продолжал сопеть. Меня охватила дрожь от ужаса неизвестности. И я продолжал попытки установить контакт. Ведь самое первое, что нужно сделать, попав в сложную ситуацию, – это попытаться установить контакт с оппонентом. Он может оказаться не таким жестоким и кровожадным, в нем может проснуться его человеческое начало, глубоко запрятанное в темных закоулках души. Впрочем, чужая душа – потемки, а человеческая натура часто оказывается полной противоположностью гуманизму, совершенно непригодному в эпоху выживания.

Все эти мысли крутились в моей голове, пока я ждал ответа. Однако его не было.

– Я скоморох, – произнес я на всякий случай: может, подействует.

Но существо, рассматривавшее меня как добычу, голос не подавало. Я почти не сомневался, что именно оно связано с тем оглушающим выстрелом, после которого рухнул дрон. Однако я не знал, был ли стрелявший сам или с сообщниками. А объяснений мне никто давать, как видно, не собирался.

Резиновая петля больно сдавливала запястья. Плечевые суставы дико болели. Существо потянуло на себя петлю, и я сообразил, что мне нужно встать. Я с трудом поднялся и в ожидании команды уныло смотрел под ноги. Команда последовала в виде толчка в спину, не слишком чувствительного, но вполне пренебрежительного. И я, без лишних слов догадавшись, чего от меня хотят, двинулся вперед, по

перепаханной взрывами земле. Мне бы подумать о том, как спастись, как выкрутиться из ситуации, когда тот, кто неожиданно пленил тебя, не хочет идти на контакт. Но я думал о книгах, оставшихся в грязи. Жемчужины знаний в навозе войны. Там был небольшой томик Пушкина, хорошее издание «Одиссеи» с комментариями, «Кобзарь» с иллюстрациями самого автора и несколько полезных книг по психологии, философии и социологии. Все несметное богатство, которым «кроты» рассчитались со мной за то, что я вылечил их вожака. Да, и еще кое-что. Очень важное, завернутое в кусок пропитанной кожи. То, что Коля Бурят просил не терять. Ни при каких обстоятельствах.

Меня подвели к той самой яме, в которую я запрыгнул с самого начала. Я обратил внимание на то, что листвы на ее дне почти не было. Смык-смык! Запястьям стало больно. Это сигнал остановиться. Ну, что, хватит жалеть книги, надо успеть пожалеть себя, пока есть время. Зазвенел нож, и сердце мое стало тяжелым, сжавшись в комок от страха: так, наверное, звезда, превращаясь в черную дыру, увеличивается в массе. Яма зияла страшно и безразлично. Холодное лезвие коснулось моих запястий, и резина, ударив напоследок по разодранной коже, слетела с моих рук. Что бы это значило?

Я опешил.

– Чего стал? Помогай! – услышал голос за своей спиной.

И мое сознание зависло в недоумении, как дрон над полем. Голос был женским. Низким, глубоким и вместе с тем нежным, – в старину такие голоса называли мудреным иностранным словечком «контральто».

– Ты совсем глухой? – спросил голос раздраженно.

Мне пришлось развернуться, и я увидел его обладательницу. Впрочем, если бы не голос, разобрать то, что говорит со мной женщина, было бы невозможно. На ней была снайперская накидка типа «кикимора», увешанная листьями. Они казались мокрыми, а в комбинации с хозяйкой очень напоминали ту самую кучу, в которой я пытался спрятаться, запрыгнув в это укрытие. Точно, это же те самые листья! Вот почему мне показалось, что под ними есть нечто твердое. Ну и дела.

– Поторопись! – скомандовала «кикимора».

– А что делать-то? – спросил я. Это были первые слова, которые я смог произнести после знакомства с «кикиморой», захватившей меня.

– Вот эта штука. Мне ее надо донести до следующей позиции, – махнула она рукой на длинную трубу, лежавшую на дне канавы.

Я спрыгнул вниз и потянул ее на себя.

– Что, тяжелая? – засмеялась «кикимора», подставив плечо с другой стороны трубы.

И мы пошли в сторону обгорелых деревьев. Конечно, «пошли» – это не то слово, которым можно описать бег трусцой по глинистой почве, притом что в плечо упирается двадцатикилограммовая труба, а в спину дышит некий гибрид плакучей ивы и снежного человека. Обгорелая посадка находилась довольно далеко от поля. Пробежка оказалась долгой, изматывающей. Моя рубаха под бушлатом быстро пропиталась потом. Когда мы оказались под деревьями, мне немедленно захотелось снять его, но я этого не сделал, справедливо полагая, что ситуация в любой момент может поменяться, а при любом изменении обстоятельств все, что у тебя есть, лучше держать при себе. Я лишь расстегнул ворот и откинул полы бушлата, чтобы рубаха быстрее просохла. Моя повелительница-«кикимора», заметив яркие цвета моего одеяния, несомненно, догадалась, кем же я был на самом деле. Ходячая куча листьев расхоталась.

– Я чуть не застрелила скомороха! А я-то думала, ты лазутчик укров.

– Почему ты так подумала? – осторожно поинтересовался я.

– А что я, по-твоему, должна была подумать, увидев в токсичной канаве одинокого придурка в бушлате, наблюдающего за дроном?

Я никогда не видел лазутчиков с той стороны Стены. Слышал о том, что они есть, но никогда их не видел. Наверное, так и должен выглядеть шпион: одинокий придурок, ползающий среди отравленных окопов.

– Садись, – велела «кикимора». – У меня мало времени.

То, что мало времени «у нее», а не «у нас», навело на грустные мысли. Меня, похоже, она в расчет не берет, а поэтому судьба моя, несмотря на относительно мирный тон разговора, остается неясной. На земле, у моих ног, лежал тяжеленный предмет, который я нес на себе. Я смог наконец рассмотреть его: это было ружье невероятных размеров и вместе с тем довольно примитивное, судя по конструкции затвора.

– Это противотанковое ружье, ПТРД¹. Очень старое, – заметив мой взгляд, пояснила «кикимора». – А ну-ка, отвернись, не смотри на меня. Можешь изучить ружье, если хочешь. Оно все равно без патронов.

¹ ПТРД – противотанковое однозарядное ружье системы Дегтярёва.

Я послушался ее и стал осматривать длинный ствол и затвор. На казенной части проступало клеймо. В наступающих сумерках мне не хватало остроты зрения, чтобы прочесть надпись. Но пятому чувству помогло четвертое: я провел пальцами по тоненьким желобкам, и они сложились в цифры «1944». Подумать только, этому ружью больше ста лет! А оно при этом исправно работало. Сбитый дрон тому лучшее доказательство.

За моей спиной шуршали искусственные листья. Я все-таки ослушался мою повелительницу и краем глаза посмотрел на то, что она делает. Снайперша стянула с себя мохнатый комбинезон до бедер, и я отметил про себя, что она неплохо сложена. Крепкое узкое тело пленившей меня амазонки облегалo тонкое термобелье. Правда, пояс и ягодицы закрывали шорты довольно странного размера – они были какие-то дутые. Вот амазонка расстегнула их, резким движением высвободилась и тут же отбросила в сторону. Они шмякнулись, как пакет с водой. И я снова отвернулся, сообразив, что принял за нижнее белье использованный подгузник. Мне стало неловко. Но и страшно. «Эта амазонка, – догадался я, – профессиональный снайпер, она провела в своей лежке не один час, а возможно, и не один день в ожидании своей цели. В данном случае, дрона». Меня просто распирало от любопытства, почему же ее целью был дрон. Однако здравый смысл подсказывал, что сейчас даже факт моего бытия может оказаться под сомнением в любой момент. Ведь я не знал целей и задач снайперши, с которой судьба свела меня в чистом поле.

Амазонка переделась и подошла ко мне.

– Теперь можешь повернуться.

Мое сердце стучало все сильнее и сильнее, лицо горело от прилива адреналина. Я повернулся к ней, и моя челюсть отвисла от удивления: передо мной стояло прекрасное создание, напоминавшее женщин с картин Боттичелли. Афродита, вылитая Афродита! Таких женщин просто не бывает в этих краях. Белая, как у Снегурочки, почти прозрачная, кожа лица, чуть полноватые губы. И глаза! Два теплых карих озера, а над ними тонким коромыслом удивленно-насмешливо изгибаются брови. И все это в обрамлении рыжеватых вьющихся волос. Сердце не переставало биться в напряженном ритме, но уже не от страха, а из-за волнения другого рода.

– Ну, что, рассмотрел мое ружье? – спросила амазонка, превратившаяся в Афродиту.

– Д-да, – неуверенно ответил я. Сегодня мой личный план по изучению языческой мифологии явно был перевыполнен.

– Я сняла его с первого выстрела, – сказала девушка. – Впрочем, ты мне помог. Этот дрон ведь за тобой охотился?

– Не знаю, – я был абсолютно честен, недоуменно пожав плечами. Именно сейчас у казаков не было ни малейшего повода искать меня в поле. – А можно тебя спросить?

– Спрашивай, – милостиво позволила амазонка-Афродита.

И я набрался смелости:

– Откуда ружьишко?

– Из лесу, вестимо, – не задумываясь, ответила девушка.

Я так и знал! Она не может быть простым одиноким снайпером. Она только что произнесла фразу, жонглируя словами и рифмами из классической русской литературы. А ведь ее существование закончилось десятки лет назад. Такие книжки, в которых люди могут прочитать подобные вещи, сейчас можно найти на свалке, в печке или в заплечном мешке бродячего скомороха. Когда-то, в давние времена, такие фразы играли роль забавных каламбуров, сейчас же превратились в целые мифологемы. Впрочем, что я несу? Глупыми литературными терминами живот не набьешь и тело не обогреешь. Как бы приятно ни удивляла меня девушка с ружьем, она не переставала быть опасной. Хотя бы потому, что я помог ей отнести противотанковое ружье к посадке. Если ей для дороги оттуда требовалась посторонняя помощь, значит, кто-то помогал ей нести ружье туда. И где же он теперь, тот, который помогал?

– В музеях полно было такого добра, – она ткнула тупым носком ботинка по старинному металлу, лежавшему на земле. – Они думали, с их дронами снайпер не справится. Как бы не так! Эта штука прекрасно работает. Главное, сделать дело с первого выстрела. Очень много времени уходит на перезарядку. Можно и не уложиться в норматив.

– А если не уложишься, то что? – полюбопытствовал я. – Дрон же ничем не может ответить. Это только летающий глаз, не более.

Девушка недовольно скривилась и пожалала плечами: у нее на этот счет имелась другая точка зрения.

– Операторы иногда реагируют очень быстро. И потом, ты знаешь, где у них установлены стволы? Я, например, не знаю. Может, где-то в поле, а может, и в космосе.

Она подняла глаза кверху, как бы показывая, где казаки могли разместить свое сверхмощное оружие. Я уже однажды думал об

этом. В конце концов, что им могло помешать захватить командный центр управления военными спутниками. Они давным-давно болтались на орбите, бесхозные, с тех пор как огромное государство расплодилось на десятки лоскутков, враждующих друг с другом. И один из этих лоскутков вполне был способен, указав на спутники, заявить: «Это мое!» Так могли распорядиться история и обстоятельства, жаль, если счастливыми обладателями сверхмощного оружия оказались жестокие дикари. Но в этом нет ничего удивительного. Дикари часто лучше и быстрее других соображают, где можно добыть новую дубину.

Прекрасная амазонка напротив меня явно не относилась к племенным дикарей. Более того, она, если можно судить по ее действиям, находилась в состоянии вражды с казаками. Мне хотелось верить, что она, скорее, друг, чем противник. Хотя какие у скомороха могут быть противники?! Мы дружим со всеми и ни с кем. Для нас нет ни своих, ни чужих. Мы помогаем прийти в себя после долгих лет послевоенной боли и вашим и нашим. Неписанный кодекс бродячего скомороха гласит, что мы должны всегда находить себе место над схваткой. Когда мы рассказываем нашим пациентам истории, то всегда выбираем слова, не позволяющие определить наше личное отношение к силам, пытающимся уничтожить друг друга. «Вот сволочи!» или «Вот молодцы!» – так мы не восклицаем никогда. Или почти никогда.

Хотя есть исключения из правила. Вон, Коля Бурят попытался рассказать «кротам» историю о городе на Неве и не сдержался, похвалил хранителя музейной печати, спасшего пару десятков картин. В сердцах похвалил, искренне, а не то чтобы дал сорваться с языка неосторожным эпитетам. Он очень любил древнее искусство. А «кроты» не поняли его порыва и, дождавшись, пока он закончит свою художественную историю, решили с ним поступить художественно: объявили, что Бурят опасный возмутитель спокойствия, что своими лживыми баснями возбуждает в народе чувство смятения и недовольства, которое ведет к неподчинению и бунту. Потом собрали лучших представителей народа. В их число входили Кривой Зуб, известный в прошлом бандит, а теперь деревенский староста; Макаронка, странная особа, собиравшая лебеду и варившая из нее напиток для кратковременного забвения; да Капсюль, непредрасказуемый, как ручная обезьянка, полевой командир, любивший кошек и собак гораздо больше, чем людей. Вот эти трое и решили судьбу Бурята. Они приговорили его к смерти, но поставили выбор.

Либо его расстреляют из луков, как это было со святым Себастьяном, либо будут кормить мясом целый месяц. Никакой другой пищи, только мясо. Ну, и вода.

Коля Бурят хоть и был человеком образованным и опытным и наверняка читал знаменитый фолиант «Тысяча способов китайских пыток», однако то ли забыл о том, что написано на странице двести шестнадцатой, то ли невнимательно перелистывал страницы, но он согласился насчет месяца на белковой диете. И вот итог: умер в страшных муках. Это цена, которую пришлось заплатить за знания и похвалы в адрес великих мастеров живописи. «Кроты» хотели зрелища. Уже приготовили было лук и стрелы для стрельбы по скомороху, но слово данное есть слово крепкое, и за Бурятом оставили право выбора. Он оказался дураком. Выбрал бы участь святого Себастьяна, умер бы легко и остался навеки в легендах. А так его тело начало разваливаться на куски, и он, изъедаемый болью изнутри, корчился в страшных муках. Никакого величия и изящества. Да и «кроты», посмотрев на его смерть, решили, что высокое искусство – это вранье, с помощью которого хитрые мошенники хотят заработать себе на хлеб и избежать воинской повинности. Откосить от службы в славных рядах грозных таганрогских «кратов».

Я жалел Буряту и одновременно подшучивал над ним. Над нехваткой в нем чего-то такого, что заставляет принимать смелые решения, быть самоотверженным и сильным. Однако сейчас я, как никто другой, понимал его. Жить хочется во что бы то ни стало! Очень хочется, особенно когда знаешь, что смерть в виде девушки в подгузнике и с огромным ружьем глядит на тебя, раздумывая. И Бурят не выдержал. Надеялся, что за те тридцать дней, пока мясо будет отравлять его организм, он придумает какой-то выход. А, впрочем, никакого выхода и не могло быть, когда на страже закона стоят Макаронка, Кривой Зуб и Капсюль. Надежно стоят – не сломать и не обвести вокруг пальца. Сами кого хочешь обведут. Вот и я сейчас думаю, чем закончится вялый диалог с девушкой. Наверняка у нее есть нечто такое, чего я не увидел в спутанных нитках костюма-«кикиморы». Нож, сюрикэн² или какая-нибудь другая железная приспособа.

² **Сюрикэн** (яп. 手裏劍 – дословный перевод: «лезвие, скрытое в руке») – японское оружие скрытого ношения. Представляет собою небольшие клинки, изготовленные по типу повседневных вещей: звездочек, игл, гвоздей, ножей, монет и так далее.

Я снял бушлат. Подкладка его была теплой, слегка влажной и пахла давно не мытым человеческим телом. Я заметил, что запах собственного пота не раздражает, в отличие от запаха тела других людей. Себе ты кажешься просто разогретым, а другие для тебя воняют мокрыми тряпками. Muskusный такой запах, ни с чем его не спутаешь. Но это ведь касается только меня, и если от кого-то рядом разит потом, я просто терплю. Мне очень захотелось узнать, как пахнет шелковая кожа девушки, и волнение вновь охватило меня.

Откуда-то она, как фокусник, достала рюкзак и быстрыми ловкими движениями засунула туда маскировочную одежду. Потом у нее в руках оказался большой целлофановый пакет. В него она положила рюкзак и плотно завязала. Ружье смазала маслом, выдавив его из пластмассовой масленки с узким горлышком. Затем и для оружия нашлась упаковка – серый прорезиненный чехол с кожаными лямками.

– А ну-ка, давай сюда, чего стоишь без дела?

Эта фраза была адресована мне, и я предпочел, не мешкая, исполнить приказание. Мы вдвоем уложили рюкзак и ружье в тайник. Он оказался рядом: небольшая яма, прикрытая доской, а сверху – земля, мусор, грязь. Если свое снаряжение она хранит здесь, в тайнике, значит, часто выдвигается на эту позицию и ведет огонь. Но только ли по дронам? Тут нет других значительных целей, кроме воздушных аппаратов казаков. Она настоящий охотник, эта девица. Храбрый. Яркий. Безусловно, необычный, неординарный охотник. Но куда делся ее помощник, который нес ей противотанковое ружье? Это был главный вопрос для меня, как и загадка, не ожидает ли и меня такая же судьба, как и прежнего ее помощника.

Мы сложили ружье в чехол, затагнули лямки и спрятали его в тайник, который был подготовлен заранее, да настолько хорошо и ладно, что непосвященному его ни за что не обнаружить. Схрон можно было найти, только если знать, где он выкопан. А так везде в этих местах поверхность земли примерно одинаковая – грязно, уныло, безжизненно.

– Ты, значит, скоморох. Не «укроп», – проговорила она.

– А я думал, это ты оттуда. Из-за Стены, – осмелился я подать голос.

Она криво ухмыльнулась, и, на мой взгляд, ее злая улыбка испортила прекрасные черты ее лица эпохи Возрождения. Боттичелли заплакал бы.

– Стена давно не пропускает никого с той стороны. Все шлюзы, все стальные двери в ней наглухо законопачены. Я сама проверяла щели: в них забились земля, а кое-где уже растет бурьян. Колючий и жест-

кий. И токсичный – после царапин следы долго кровоточат. А этим тварям все равно.

Она со мной говорит! Это удача. Есть контакт. Значит, похоже, меня не расстреляют. Хотелось бы верить в это.

– Мы с ними такие разные. Иногда мне кажется, что они с другой планеты. Они живут там, у себя, и боятся нас. Не знаю, что там у них есть, но свободы у них точно нет. Как можно быть свободным, живя за Стеной? Не знаю...

Я давно не был возле Стены, но хорошо помнил, как ярко светили прожекторы на башнях, выхватывая лучами нарушителей с баграми и лестницами в руках. Это было много лет назад. Несчастные пытались перебраться через Стену, но их смывали автоматические водометы, и неудавшиеся беглецы не солоно хлебавши возвращались назад, влачить жалкое существование в землянках на окраинах Таганрога.

– А ты думаешь, мы свободны? – спросил я девушку-охотника.
– У нас-то что?

Вместо ответа она швырнула мне нечто сверкнувшее металлом. Я за доли секунды сообразил, что это не граната и что в этом ее движении не было никакого подвоха, и тут же схватил предмет. Цилиндрический, гладкий, довольно тяжелый. Пальцы слегка приклеились к гладкой поверхности, покрытой густой золотистой смазкой.

– У нас вот это!

Она была права. Это великая ценность. Слава Богу, еще это у нас есть, не у всех, правда, но иногда ЭТО можно и достать, и обменять, и забрать. Тушенка! С гречневой кашей и широкой надписью «НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ» на белой истрепанной этикетке. Ее можно было хранить годами. Птичьи консервы, из курицы, с нормальным сроком хранения – сделаны не более тридцати лет назад. Невероятно вкусные и питательные. В армии, говорят, где-то есть и говяжья тушенка, но я ее не видел. А вот такие баночки еще встречаются. Не вкус – мечта!

– Ешь, пока у меня хватает этого добра.

Вместе с банкой она кинула мне нож с деревянной рукояткой и тяжелым лезвием. Ума не приложу, где она его прятала, хитрюга. Я постарался задействовать все свое умение, чтобы быстро и ловко вскрыть банку. Есть и правда очень хотелось. Ни одного лишнего движения: ни грамма комбиджир не должно упасть на жадную землю. Ел я прямо с ножа, загребая содержимое банки лезвием и аккуратно подбирая с него все без остатка. Курица, попавшая в автоклав много лет назад

вместе с искусственным жиром и гречневой кашей, была тем самым деликатесом, о котором я мечтал. Не зря я здесь бродил! Не зря! Немного у «кротов» подкормился. Немного поработал оруженосцем у этой странной девушки. И вот итог – сам целый, а живот полный. Можно сказать, день прошел не даром. Правда, пришлось пережить несколько неприятных мгновений, но они с лихвой компенсированы тем, кто мне их доставил. Кстати, когда эта девушка улыбается не криво, а по-доброму, она просто красавица. Красота и свобода – это то, чего с каждым годом вокруг нас становится все меньше.

– Поел? Верни нож.

«Заметила», – приятно удивился я. Нож я постарался незаметно, – как мне казалось, – сунуть себе за спину. Не потому, что хотел его забрать, а только чтобы проверить ее наблюдательность.

Она весело подмигнула мне: мол, нечего меня проверять. Не зло подмигнула. Но я, на всякий случай, перевел разговор на другую тему, которая меня на сытый желудок стала волновать больше, чем Стена укров в западной стороне дикой пустыни.

– А как тебя зовут, кстати? И откуда ты?

– Меня не зовут, я сама прихожу, – отшутилась девушка. – А того места, откуда я взялась, уже больше нет.

Не уверен, что это прозвучало без угрозы.

– Ладно, забирай свой вещмешок и вали отсюда, – примирительно сказала она.

Я опешил.

– Как это «вали»?

– Да так. Ногами. Через поле. И не оборачивайся.

Я нетвердой походкой двинулся прочь от нее. Хрустнула сухая ветка под ногой. Подкова на каблуке чиркнула о камень. Проволока от отстрелянной противотанковой ракеты зацепилась за башмак. Она еще долго волочилась за мной, до самого края сгоревшей посадки. Как только я ступил на дымную пашню, стальная нить отцепилась и тихими кольцами осталась лежать на унылой земле. Я шел, считая шаги, и думал, что каждый из них может оказаться последним. Сначала ждал, что снайперша размахнется и кинет в меня свой ножичек. Потом, когда расстояние начало увеличиваться и я понял, что никакое холодное оружие ей до меня не добросить, стало до дрожи в коленях представляться, как она выкапывает из своего тайника противотанковое ружье и, ухмыляясь, целится мне в спину. Я ждал чего-то. Выстрела. Звука. Чуда.

– Эй!

Я остановился и хотел обернуться.

– Не поворачивайся! Не стоит.

Я послушался ее и не стал.

– Я Искра. Запомнил?

– А я Ян, – прозвучало смешно, как в старинных детских считалочках. Нечто похожее на «инь и ян». Склеившись, три коротких слова, включая мое имя, потеряли всякий смысл.

– Удачи тебе, Ян! – крикнула девушка.

– Удачи тебе, Искра, – ответил я негромко, хотя, мне кажется, мои пожелания до нее так и не донес ветер, тот самый, который любит гулять по токсичным оврагам, серо-коричневым полям и обожженным посадкам. Он вдруг повернулся и начал дуть в спину, ловко набросив капюшон бушлата мне на глаза. Ах, этот ветер, ненадежный союзник, готовый подвести в любой момент! Вот и сейчас он развернулся так некстати, помешав мне хоть уголком глаза поймать облик моей прекрасной амазонки.

Надо было спешить. Я решил. Мне нужно было идти в сторону Ростова. Меня ждало там одно важное дело, для решения которого понадобилась бы скорее смекалка и навык Искры, чем мое умение убеждать и находить контакт с людьми. Даже с теми, кто начинал терять людское обличье. «Где же тот, кто помогал ей с ружьем? Кто он?» И еще меня не отпускала мысль о букве «омега» на борту дрона и на моем скоморошьем медальоне. Может, лучше от нее избавиться? И, не найдя ответа на этот вопрос, я запел:

– Холод на улице лют.

Плащ мой! Какой же ты плут!

С каждой зимой ты стареешь

И совершенно не греешь.

Ах ты, проклятый балбес!

Ты, как собака, облез.

Я – твой несчастный хозяин,

Нынче ознобом измаян.